

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЛИТЕРАТУРНО- КРИТИЧЕСКОМ
ОСМЫСЛЕНИИ Г. ГЕССЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061152
Беляевой Марины Ивановны

Научный руководитель
к.фил.н., старший преподаватель
Машукова Д.А.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Идеино-эстетические принципы литературно-критического творчества Г. Гессе.....	6
§ 1. Основы литературно-критического понимания человека и искусства в творчестве Г. Гессе.....	6
§ 2. Механизмы художественного творчества в осмыслении Г. Гессе.....	11
§ 3. Стилиевые особенности литературно-критических работ Г. Гессе.....	15
Глава II. Интерпретация творчества русских писателей в литературно-критических работах Г. Гессе.....	19
§ 1. Жизнь и творчество Л.Н. Толстого в литературно-критических работах Г. Гессе.....	19
§ 2. Осмысление художественного мира Ф.М. Достоевского в эссеистике Г. Гессе.....	24
2.1. Мировоззренческие проблемы романов Ф.М. Достоевского в интерпретации Г. Гессе	24
2.2. Русская ментальность романов Ф.М. Достоевского в понимании Г. Гессе	29
§ 3. Методика изучения литературно-критических статей на уроках литературы в старших классах.....	35
3.1. Основы изучения литературной критики в старших классах.....	35
3.2. Методические указания к анализу литературно-критической работы....	40
Заключение.....	43
Список использованной литературы	47

ВВЕДЕНИЕ

Творчество нобелевского лауреата Германа Гессе (1877-1962) до сих пор остается малоизученным в силу того, что понадобились временная и культурная дистанции для осмысления значимости этой личности для литературного процесса европейской культуры. Прозаические произведения и литературно-критические тексты Г. Гессе основаны на синтезе психоанализа и восточной философии, гностицизма и христианства, пропитаны символикой немецкого фольклора и восходят к «извечным вопросам» – поиску себя.

Вплотную к этой проблеме, составляющей **актуальность** нашей работы, примыкает аспект необозримого многообразия духовных проявлений человека в его эссеистике. Размышляя над многозначной фигурой немецкого писателя, С. Аверинцев задался вопросом: «Еще раз оглянемся на отражения лица Гессе в чужих глазах. Тихий идиллик 900-х годов и неистовый отверженец буржуазного благополучия в период между двумя мировыми войнами; престарелый мудрец и учитель жизни, в котором иные поспешили увидеть духовного банкрота; старомодный мастер "хорошо темперированной" немецкой прозы и кумир длинноволосых юношей Америки - как, спрашивается, собрать столь различные облики в единый образ? Кто был этот Гессе на самом деле? Какая судьба гнала его от одной метаморфозы к другой?» [Аверинцев 1977: 7].

Творческий посыл Г. Гессе был устремлен на осмысление пути, по которому движется человек и общество. Проблема кризиса культуры неизбежно приводила писателя к рефлексии о природе культуры вообще. И здесь объединяющей темой становится искусство как энциклопедия человеческой души. Раскрытие тайны человека и его непостижимой, уникальной сущности являлось главным мотивом всего творчества Г. Гессе.

Комплексное исследование специфики развития мирового художественного сознания XX в., особенно его аксиологических и мировоззренческих составляющих, невозможно без учета воздействия творчества русских классиков, перешагнувших в своей «культурной» знаковости национальные границы. Традиция интертекстуального и рецептивного прочтения Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого во многом становится базисной для построения современных методик художественного и междисциплинарного исследования.

Обращение к русской классике в европейской культуре XX века стимулирует выработку новых моделей художественного мышления, в том числе в творчестве Г.Гессе. Большое внимание в европейской литературе и философской мысли к культурному и литературному наследию великих русских писателей прошлого определяет актуальность нашего исследования, что проявляется в ряде факторов: во-первых, классика выступает как одна из констант в осуществляемой переоценке ценностей; во-вторых, благодаря такой переоценке вырабатываются новые формы мышления; в-третьих, обращение к классике помогает лучше понять современность и ее определенные явления, а иногда происходит и спор с теми идеями, которые не прошли проверку временем.

Объектом исследования является литературно-критические тексты Г. Гессе, в которых предложены рассуждения немецкого классика XX века о творчестве великих русских писателей – Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

В качестве **предмета** исследования выступают оценка Г. Гессе мировоззренческих и художественных достижений русских классиков.

Цель работы – провести комплексный анализ особенностей рецепции художественных текстов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого в литературно-критических работах Г. Гессе.

В соответствии с данной целью был определен следующий круг **задач** исследования:

1) проанализировать мировоззренческие основы понимания человека и

искусства, заложенные в эссеистике Г. Гессе;

2) рассмотреть авторскую концепцию Г. Гессе в объяснении философии и художественного мира Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого;

3) исследовать стилевые особенности литературно-критических работ Г. Гессе, посвященных русской классической литературе;

4) рассмотреть на примере эссеистики Г. Гессе основополагающие принципы методики изучения литературно-критических статей на уроках литературы в старших классах.

Материалом для исследования послужили литературно-критические работы Г. Гессе: «Великие русские» (1909), «Толстой и Россия» (1915), «Взгляд в хаос» (1920).

Методы исследования предполагает использование интегрирующего анализа, включающего исторический, психологический, структурный, стилистический аспекты изучения литературно-критического текста.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы. Основные положения исследования могут быть полезными при разработке элективных курсов по истории зарубежной литературы, а также факультативных занятий для старшеклассников, посвященных проблемам литературно-критического наследия русских и европейских классиков.

Работа имеет традиционную **структуру** и включает в себя Введение, две главы, Заключение, Список использованной литературы.

Глава I. ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Г. ГЕССЕ

§ 1. Основы литературно-критического понимания человека и искусства в творчестве Г. Гессе

Изучение творчества немецкого писателя и мыслителя Германа Гессе в контексте социокультурных процессов первой половины XX в. позволяет выделить ряд схожих проблем и идейно-тематических оснований, сближающих культуру Европы и России современной эпохи и столетней давности. Творческий посыл Г. Гессе был устремлен на осмысление пути, по которому движется человек и общество. Проблема кризиса культуры и поиска человека в усложняющемся мире неизбежно приводила к рефлексии о природе искусства и личности, об их взаимодействии.

Г. Гессе был писателем-философом, который ставил в своих литературных произведениях важнейшие проблемы современности: судьба художника в обществе, место искусства в жизни человека, преступление и наказание, взаимодействие государства, церкви и культуры, игра и культура, одиночество, жизнь и смерть, война и мир, смысл человеческой жизни.

В литературных и литературно-критических работах Г. Гессе читатель поднимается вместе с автором до уровня обобщений, касающихся сложной природы человека. Так, классик не просто констатирует наличие и мощь инстинктов, он утверждает, что существует тесная связь между характером культуры и теми ограничительно-регулятивными функциями, которые она призвана выполнять: «Каждый из инстинктов время от времени прорывается наружу. Каждый из них... не так уж плох, не хуже любых других, вот только у всякой эпохи и всякой культуры существуют инстинкты, которых опасаются и которые преследуют больше других» (Гессе 2013: 260).

«Заполненность» человека животным началом, прамиром, периодически прорывающимися в жесточайших припадках эгоизма, не

позволяет победить или обойти инстинкт. Слой культуры слишком тонок, хотя животное подавляется и изгоняется с самого детства, но окончательная победа невозможна. В истории философии и антропологии идея силы в человеке инстинктивной составляющей не является всеобщей [Гутманис 1987: 38].

Культура и искусство как ее высшее достижение становится, по Г. Гессе, попыткой одомашнить человека. При этом нельзя ставить однозначную и противоестественную цель – убить инстинкт – хотя бы потому, что это приведёт и к смерти самого человека. Так, Г. Гессе в своих размышлениях о творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, близких ему не по форме или взглядам, а по глубине проникновения в психику и судьбу человека, оценивает роль животных механизмов и энергий вовсе не отрицательно. Хаотичность и животная сила, царящие порой в человеческих душах не всегда носят деструктивный характер, так как являются инструментом преобразования культуры и общества: «Стоит придать прорвавшемуся наружу древнему инстинкту новое направление, новое имя, новый свод ценностей – как возникнут корни новой культуры, нового порядка, новой морали» (Гессе 2013: 88).

В философии Г. Гессе культура предстаёт не противоположащей инстинкту силой, а его продолжением, способом трансформирования и реализации. Задача человека и человеческих сообществ в таком случае состоит в осознании и овладении природными потоками [Затонский 1979: 71]. Ведь при противопоставлении природного и культурного в человеке, при попытках (наивных и безнадёжных) побороть природное начало, например, путём аскезы, навязывания жёстких моральных норм разрушается сама жизнь, тормозится развитие: «Только человек и укрощённое им домашнее животное обречены на то, чтобы заглушать в себе голос жизни и роста, следуя неким законам, выдуманном людьми и время от времени нарушаемым и изменяемым этими же людьми» (Гессе 2013: 112).

У литературном и литературно-критическом творчестве Г. Гессе философский психологизм мыслится в связи с проблемой индивидуализации личности. Задача – преодоление хаоса личности, он связан с хаосом всех ценностных систем и с отчуждением сознания жизнью. Метод Германа Гессе – путь во внутрь. Это путь, который органичен для Гессе и для немецкой культуры, этот путь был как бы предуготован Гессе теми пийотистскими традициями, возле которых он вырос [Кузнецова 2004: 98].

Пийотизм – очень важное движение в немецкой культуре, которое сыграло колоссальную роль в формировании немецкой культуры. Пийотизм означал культуру контроля сознания человека над своим внутренним миром, культуру наблюдения над своей внутренней жизнью, которое имело одну задачу – достижение совершенства. Это практика самоанализа, борьбы с самим собой. Если говорить о религиозной стороне культуры, то, согласно этому подходу, человек может соблюдать все заповеди, но весь вопрос – что там внутри. В связи с этим пийотизм вырабатывает культуру ведения дневника, предполагающую контроль над своей внутренней жизнью [Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. 1998: 135].

В семье Гессе это все поддерживалось, но такой серьезный контроль над собой мог приводить к психологическим срывам, потому что человек обнаруживает в себе такое количество недостатков, с которыми он справиться не может. Гессе через все это прошел в ранней юности (был несколько раз на грани срыва, попытки самоубийства), но он это преодолел, обратившись к психотерапевтам [Леонова 2010: 198].

При этом Г. Гессе вовсе не отрицает сосуществования и противоборства в человеке таких категорий (оцениваемых писателем как весьма относительные), как добро и зло: «Человек способен на великие взлёты и великое свинство, он может возвыситься до полубога и опуститься до полудьявола; но, совершив что-то довольно-таки великое или довольно-таки мерзкое, он всегда становится на ноги и возвращается к своей мере, и за взмахом маятника к дикости и бесовству неизменно следует взмах в

противоположную сторону, следует неукоснительно присущая человеку тоска по мере и ладу» (Гессе 2013: 128). Необходимо подчеркнуть, что в отличие от многих и многих произведений современного искусства книги и письма Гессе содержат разнообразные высказывания о том, что прекрасное, светлое, духовное в человеке действительно вечно и неуничтожимо, что оно более реально, чем любая война, любые лишения. По его мнению, страдания и боль приводят человека к необходимости познания меры собственного добра и зла, а также возрождают попытки уладить внутренние и общественные конфликты и противоречия [Михайлов 1986: 77].

В целом говоря, антитезы рассматриваются как своеобразный ключ к философской прозе Германа Гессе. Они помогают автору показать противоположные ценностные смыслы явлений. Принцип контраста проявляется в построении произведений, в языке, описываемых событиях, в противопоставлении главных героев. Антитетический аспект мы обнаруживаем в самой биографии великого писателя-философа. Герман Гессе был вторым ребёнком в семье немецкого священника-миссионера. Мать мальчика, Мария Гундерт, родилась в Индии и по воле родителей посвятила свою жизнь делу проповедования христианства. Отец, Иоганнес Гессе – протестантский пастор и учёный-теолог. В такой, казалось бы, набожной семье, где мальчика воспитывали в строгих христианских традициях, вырос человек-бунтарь, имеющий свои собственные взгляды на религию, на вопросы веры [Леонова 2010: 203].

Как творческая личность, Г. Гессе ясно понимает: художник создаёт статуи и картины, чтобы «...хоть что-то спасти от великой пляски смерти, хоть что-то оставить, что просуществует дольше, чем мы сами» (Гессе 2013: 185). При этом в одном ряду с искусством, также преследуя цель преодоления тленности живого, оказывается и религиозная, духовная деятельность, в которой существует своя опасность – «задохнуться в безвоздушном пространстве», т.е. слишком высоко забраться в мир идей, забыть о реальности и стать совершенно одиноким. Осмысливая сущность

творческой деятельности, великий писатель задаётся вопросом: «Может быть, корень всех искусств и, пожалуй, всего духовного – в страхе перед смертью?», и его произведения дают положительный ответ. Если же человек и человечество перестают обращаться к высоким образцам или подменяют их произведениями-однодневками, начинаются беды и войны, вызванные болезнями духа. Удивительные строки можно прочесть в одном из писем Германа Гессе к государственному министру, написанном в годы Первой мировой войны. Писатель убеждает политика сделать всё для прекращения бойни и избавиться от ложного страха перед общественным мнением: «Вам трудней осознать замешательство и начать поиск решения, чтобы окончить войну. Вам трудней это и потому, что Вы слишком мало слушаете музыку, слишком мало читаете Библию и великих писателей» (Гессе 2013: 186).

У Г. Гессе поэзия и проза соседствовали в его творчестве всю жизнь, дополняя друг друга, но прозе принадлежало первенство. Гессе, как мы полагаем, ощущал в философии романтизма созвучие, сопричастность его собственным переживаниям. Он неоднократно заимствовал романтические символы и переосмысливал идеи романтиков в своих произведениях [Леонова 2010: 205].

Творчество Г. Гессе интересно и значимо для читателей сегодня ещё и потому, что в нём множество напоминаний для человека о том, что составляет его суть. Многие отрывки и целые произведения читаются сейчас так, словно они написаны вчера или немногим раньше, ведь и сегодня «...в материальных битвах сражаются друг с другом гигантские призраки и химеры – а всякая духовная реальность, всё истинное, всё прекрасное, вся тоска по нему сегодня, кажется, реальнее и существеннее, чем когда-либо» (Гессе 2013: 45). И всегда великий немецкий классик напоминает читателю, к какой бы культуре или эпохе он ни принадлежал: судьба вершится в нас самих, человек сам формирует и выбирает своё будущее, внешнее и внутреннее суть одно, перетекающее друг в друга, и бесполезно

перекладывать ответственность на бога или дьявола, ибо они внутри каждого из нас.

В литературно-критических статьях и публицистике Гессе неоднократно обращался к теме России. Его интересовала культура страны, ее традиции, особенности национального характера и, конечно, русская классическая литература.

§ 2. Механизмы художественного творчества в осмыслении Г. Гессе

В целом эстетика Г. Гессе основана на взаимодействия культурно-философских парадигм Запада и Востока. Писатель был уверен, что «философия, как и религия, переступает через национальные и культурные границы» (Гессе 2013: 178), и художественно воплотил это понимание. Сегодня становится понятной особая ценность творческих достижений Г. Гессе, в которых он открывает такую закономерность: противоположности не антагонистичны, а способны образовывать единство, выражающее неисчерпаемость, сложность, противоречивость реальности.

Многие ученые вполне справедливо утверждают, что идея биполярности определяет не только композицию произведений Гессе, подборку тем, способов представления эпического материала, отбор лексических средств и прочее, но присуща самому образу мышления писателя, совершенно справедливо и позволяет нам продвинуться вперед по пути более глубокого осмысления психологических механизмов гессевского мышления, в том числе художественного [Некрасова 1987: 13].

Своеобразное мышление Г. Гессе в значительной мере сложилось под влиянием древневосточных представлений о полярной противоположности и взаимообусловленности двух первичных сил. Такие принципы стали основой бинарной эстетической модели Г. Гессе, обусловили специфику всех уровней его произведения. Из-за этого проза и эссеистика борются разными сторонами жизни, вместили сложность и многоголосие эпохи, европейской цивилизации. Интеллектуальная сложность книг Г. Гессе объясняется стремлением

передать пульсирующее бытие в его извечной амбивалентности [Малашенко 2008: 99].

Общим местом современного гессеведения является тезис о влиянии психоаналитической концепции на жизнь и творчество писателя. Опыт личного знакомства Гессе с практикой психоанализа, его эффект порой возводятся в ранг судьбоносных и для его искусства слова. Исследователи высказывают мысль о соотнесенности персонажей гессевских романов (в том числе ранних) с «фигурами» бессознательного (Тенью, Анимой, Мана-личностью), о развитии героев согласно схеме индивидуализации, настаивая на универсальности и четкости этого эстетического принципа.

Рожденная в результате синтеза национальной и восточной традиций эстетика Г. Гессе бытия отражала авторское представление о множественности и равноправии нетождественных инстанций, об их взаимоотражаемости, взаимозависимости и переходности [Некрасова 1987: 19].

Творческие процессы, созидательность как неотъемлемая характеристика истинного человека привлекают внимание писателя и вызывают к жизни размышления его персонажей – художников и музыкантов, которые ясно осознают одновременное превосходство и ограниченность эстетического, эмоционального восприятия мира. В «прекрасной стране искусства» легко потонуть в чувственном мире; художнику светит луна и звёзды, но он лишён света солнца, т.е. мысли, слова, идеи, правила, ограничения, нормы. Герман Гессе связывает происхождение мира искусства с материнским, сестринским, женским началом – хаотичным, искусительным, многоликим, сияющим любовью, сквозь которую просвечивает и лик смерти. Но само искусство во всей полноте является «слиянием отцовского и материнского начал мира, Духа и крови, оно могло начаться в самом что ни на есть чувственном элементе и привести к предельно отвлечённому или, взяв своё начало в чисто мире идей, завершиться в наиполнокровнейшей плоти» (Гессе 1994, т.3: 144).

Как творческая личность, Г.Гессе ясно понимает: художник создаёт статуи и картины, чтобы «...хоть что-то спасти от великой пляски смерти, хоть что-то оставить, что просуществует дольше, чем мы сами» (там же). При этом в одном ряду с искусством, также преследуя цель преодоления тленности живого, оказывается и религиозная, духовная деятельность, в которой существует своя опасность – «задохнуться в безвоздушном пространстве», т.е. слишком высоко забраться в мир идей, забыть о реальности и стать совершенно одиноким. Осмысливая сущность творческой деятельности, великий писатель задаётся вопросом: «Может быть, корень всех искусств и, пожалуй, всего духовного – в страхе перед смертью?», и его произведения дают положительный ответ. Если же человек и человечество перестают обращаться к высоким образцам или подменяют их произведениями-однодневками, начинаются беды и войны, вызванные болезнями духа.

Гессе касается своим пером не всех видов искусства, представленных в современном обществе; в поле его писательского интереса попадают музыка, изобразительные искусства, театр и литературное творчество, причём если театр стоит несколько особняком (да и то это театр магический, т.е. не совсем театр), а также кинематограф. Среди затронутых видов искусства можно выстроить нечто вроде *иерархии*, которая выглядит следующим образом: наиболее влиятельным и самым универсальным видом творческой деятельности Гессе считает литературу или поэзию, несколько менее значимой, хотя не менее прекрасной в его произведениях предстаёт музыка, а более скромное место автор отводит изобразительным искусствам и театру. Вслед за Лессингом, Гессе признаёт универсальность языкового творчества, но одновременно приоткрывает взору читателей противоречивость, даже некоторую болезненность литературного процесса.

Угасание поэтического начала для Гессе равносильно кризису культуры, потому что тот, кто грешит против «священного духа языка», обречён. При этом писатель осознаёт условность любого творчества,

осознаёт, что слово «поэт» – лишь «прекрасная абстракция», и каждый великий поэт воспринимается последователями как недостижимый образец, хотя таковым не является. Счастлив осознавший простую истину: надо «...в душе быть истинным поэтом, сновидцем, видящим, и оставаться при своём ремесле простого литератора» (Гессе 1994, т. 3: 385).

Язык как индикатор состояния культуры всё же не до конца удовлетворяет потребности Гессе, остро ощущавшего одновременно его неограниченные возможности и несовершенство, «потенциальную недоразвитость», так как «...язык не нашёл ещё слов для сложных душевных движений, ибо такие языковые противоречия, как злорадство и сострадание»(там же) вполне могут быть переплетены в человеческой душе, но остаются противоположными в языке. Эти идеи Гессе созвучны мнению многих философов и лингвистов, посвятивших свои работы проблеме соотношения состояния языка и культуры.

Универсальный, вневременной характер литературной деятельности обсуждается и очерчивается в переписке Г. Гессе. Писатель, по его мнению, несёт ответственность за каждое написанное и опубликованное слово, так как ему доверяют и доверяются читатели (сам Гессе вёл громадную переписку с читателями). И гениальность писателя – в его способности прозреть и воплотить будущее: «Будущее наступает не благодаря тем, кто перед лицом его думает закрыть глаза всем отчаявшимся. Показывать и осмыслять скрытые бездны – одна из задач литературы» [Гессе1987:180].

В переписке Г. Гессе встречаются неожиданные утверждения, касающиеся механизмов поэтического творчества. Поэт не способен регулировать, контролировать отбор материала, тематики и т.д., так как «...подлинное не может быть измышлено, оно должно быть возвращено в душе» (там же).

Путь искусства – это путь к вечно ускользающим болотным огонькам Истины: существо природы «стремится найти своё символическое выражение» (Ницше) и в равной мере стремится скрыть свою суть (Гессе).

Человеку искусство открывает великую возможность: «...неисполнимые мечты исполнить в грёзе, неисполнимые требования исполнить в поэзии, – короче, нелепости жизни обратить в победы духа» (там же). Герман Гессе писал о необходимости синтеза, поиска путей объединения усилий людей по преодолению «безвременья культуры».

§ 3. Стилиевые особенности литературно-критических работ Г. Гессе

Нобелевский лауреат 1946 года Герман Гессе в течение многих лет зарабатывал себе на жизнь пером литературного обозревателя и критика в целом ряде немецкоязычных журналов. В 1929 году в Лейпцигском издательстве «Реклам» уже достаточно известный в Европе писатель публикует статью под названием «Библиотека Всемирной Литературы», цель которой, по его собственным словам, заключается в создании руководства для читателей: «Мне бы хотелось, чтобы она помогла начинающим читателям разобраться в мире книг» (Гессе 2013: 211).

В этой статье представлен самый широкий взгляд на литературу различных народов – от Китая до Америки. В тексте продемонстрированы огромная эрудиция и невероятный эстетический вкус автора-составителя. Если сопоставить «списки» Гессе с кругом книг, включенных в 200-томную отечественную серию «Библиотека всемирной литературы», выходящую в издательстве «Художественная литература» в 1967-1977 годах, то можно отметить не слишком бросающиеся в глаза отличия, связанные с интересом к собственной национальной литературе. По понятным причинам Гессе включает в свою «библиотеку» широкий круг немецкоязычных авторов и целиком собрания Веймарских классиков, дополняя их перепиской и воспоминаниями современников, а также всю романтическую немецкую прозу и поэзию.

Русской литературе в его «Universal-Bibliothek» уделено значительно более скромное место, и ее обзор начинается только с XIX столетия: Оценки Г.Гессе выдержаны в строгом стиле, насыщены аргументацией, при этом в

них однозначно звучат положительные характеристики: «Особенно богата русская литература девятнадцатого столетия. Поскольку Пушкин, великий классик русского языка, принадлежит к авторам непередаваемым, начнем с Гоголя, чьи «Мертвые души» и рассказы войдут в нашу библиотеку; возьмем также «Отцов и детей» Тургенева, ныне несколько забытый шедевр, и «Обломова» Гончарова. Из произведений Толстого, высокое художественное мастерство которого подчас забывают за его проповедничеством и реформаторством, во всяком случае, невозможно обойтись без «Войны и мира» (может быть, самого прекрасного из русских романов) и «Анны Карениной», но не хотелось бы отказываться и от его рассказов для народа. Из вещей Достоевского нельзя забывать ни «Братьев Карамазовых», ни «Преступления и наказания», ни «Идиота», самой одухотворенной из его книг» (Гессе 2013: 61).

Сразу обратим внимание на жанровую характеристику выбранных Гессе произведений: это исключительно романы. Данный выбор можно объяснить тем обстоятельством, что во второй половине XIX–XX веке наиболее востребованным прозаическим жанром становится роман. Разумеется, переводчики русской классики на европейские языки тоже стремятся переводить по преимуществу романы. Г. Гессе, хотя отец его вел свое происхождение из Российской Империи, русского языка не знал, зато слышал о Пушкине, которого в перечне русских гениев упоминает первым. Далее Гоголь, Тургенев, Гончаров, и, разумеется, Толстой с Достоевским.

Например, в разгар Первой мировой войны он, один из немногих в Европе в своей эссеистике и публицистике берет на себя смелость не только противостоять безумию пропаганды, ура-патриотическим лозунгам, лжи политиков. Всеми доступными ему художественными средствами он требует прекращения кровавой вакханалии. Его не смущает, что призывы к миру разделяют в современной Европе только социалисты или русские, совершившие большевистский переворот. В стиле Г. Гессе активно используются восклицательные и вопросительные

конструкции: «Изумленно, с сильно бьющимся сердцем наблюдали мы, как русские положили оружие и заявили о своем стремлении к миру. Не было народа, которого бы не захватило это чудесное зрелище, у которого оно не взволновало бы сердце и совесть! Каждый политик в мире всей душой за революцию, за разум, за то, чтобы отложить оружие – но только у врага, не у себя!» (Гессе 1984: 191). Удивительная смелость и убежденность в разумности собственной позиции сквозят в каждом слове статьи «Война и мир» (1918), сквозь которую проходит евангельский рефрен «Не убий!».

Обширные литературные обзоры, посвященные Толстому и разбору отдельных романов Достоевского, относятся примерно к тому же времени: 1915-1920 гг. Для читателя и художника Г. Гессе Достоевский – это тот уровень художественного сознания, до которого не дотянуться никому из известных автору современников. Разумеется, Гессе находит в романах Достоевского именно те мысли, которые более всего волнуют его самого, и те проклятые вопросы, над которыми бьется европейское сознание, погруженное в хаос «кровавого психоза» мировой войны. По мнению немецкого писателя, именно герой Достоевского является миру «сокровенным пророком новой святости, новой морали, новой человечности» (Гессе 2013: 121). Чтобы передать таинство и магию величайших художественных достижений русского гения Г. Гессе активно прибегает к цитированию, сосредотачивая внимание читателя на особых приемах, характерных для поэтики Достоевского.

Существенными оказываются стилистические черты, связанные с жанрово-типологическими характеристиками журнально-публицистической литературной критики: диалогичностью и эмотивностью. На формирование литературно-критического стиля Г. Гессе отразились условия выхода в свет его статей (достаточно регулярные публикации в периодических изданиях) и установка публицистической критики на непосредственное воздействие на читателя. Сам Г. Гессе понимает различие между критикой и литературой как условие для создания особого стиля литературно-критических работ.

Можно утверждать, что литературная критика как таковая не является для Г. Гессе художественным произведением и имеет другие цели и функции: выражение литературных предпочтений и побуждение к чтению избранных произведений, соответствующих представлению о настоящей литературе.

Стилевые и содержательные черты, которые обеспечивали соответствие литературной критики Г. Гессе жанровым требованиям XX века, на сегодняшний день не снижают интерес к ним со стороны ученых и рядовых читателей. Статьи, посвященные русской классической литературе, прочно связаны с ушедшей эпохой, их диалогичность и оценочность позволяли эссеистике немецкого классика оказывать значительное воздействие на читателей в момент публикации. Но те же характеристики этих работ определенным образом сказываются и на восприятии этих текстов современным читателем, получающим от Гессе-критика глубокие философско-эстетические размышления, полные серьезной аргументированности и безупречные по форме.

Итак, изучение оценочности, терминологизации, диалогизма, эмотивности, заявленных в литературно-критических работах Г. Гессе, позволяет сделать вывод о том, что эти тексты обращены, в первую очередь, к современникам и нацелены на непосредственное воздействие на читателя XX века. Проанализированные нами особенности (оценочность, эмотивность, восклицательные конструкции, структура диалога, специфика финальных абзацев) появляются в критических статьях достаточно регулярно и являются отражением наиболее устойчивых черт стиля немецкого писателя и критика, чем доказательством целенаправленной работы над формой критического текста.

Глава II. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ Г.ГЕССЕ

§ 1. Жизнь и творчество Л.Н. Толстого в литературно-критических работах Г. Гессе

Г. Гессе в своем эссе «Толстой и Россия» (1915) утверждает, что исключение из европейской культуры России и русской культуры лишает Европу глубокого и мощного культурного источника. «Европейский дух знал два великих переживания - античность и христианство. Наше средневековье было эпохой победоносной борьбы христианства с античностью. Ренессанс знаменовал новую победу античности и одновременно рождение окончательно сформировавшегося европейского духовного метода. Россия вместе с нами этой борьбы не пережила, это отделяет Россию от нас, это позволяет нам в каком-то смысле считать Россию средневековой» (Гессе 2013: 276). По мнению немецкого классика, именно от России идет мощный поток душевности, христианской любви и непоколебимой жажды искупления. В сравнении с такой мощью «европейская литература внезапно обнаруживает узость и мелочность перед этим потоком душевной страсти и внутренней непосредственности» (Гессе 2013: 277).

Исследуя философские основы творчества Л. Толстого, Г. Гессе обнаруживает оригинальность его художественно-философского мышления через анализ таких очевидно философских антитез, как Запад – Восток, буддизм – христианство, рациональность – эмоциональность, внешний мир – внутренний мир, духовность – внутренняя пустота, добро – зло, мир – война, мастер – ученик и т. д.

Проблема детерминизма, центральная для русского реализма XIX в., обусловлена поведением и сознанием героев, различными обстоятельствами, будь то идея, культурные коды или социальная «микросреда», окружающая человека, но в произведениях Толстого она соответствует представленности

героев в их художественной безусловности. Человек трансцендентен в своей духовной сущности и есть то, что он есть, и никакие определяющие факторы ничего в нем не объясняют и ничего к нему не прибавляют. Центром художественного мира является не столько личность в ее связях с обществом, средой, эпохой, культурной традицией, сколько статус личности, ее качества в ценностных морально-нравственных потенциях [Львова 2010: 24].

По мнению Г. Гессе, с одной стороны, Толстой вобрал и развил традиции классического критического реализма в своем творчестве, с другой - стал мировоззренческой и собственно эстетической основой для его «рассредоточения» (когда творчество крупного писателя, не теряя самостоятельного художественного значения, растворяется в последующем литературном процессе; часто писатель, как бы растворяясь в мировом литературном процессе, оказывает всеохватывающее воздействие на его развитие) в русской литературе XX в. и обеспечил тем самым наличие реалистического «фонда преемственности», являющегося, по мнению В. Хализева, наиболее важным условием для литературного эволюционирования: «Неизменно присутствуют в литературном творчестве типы эмоциональной настроенности (возвышенное, трагическое, смех и т.п.), нравственно-философские проблемы (добро и зло, истина и красота), «вечные темы», сопряженные с мифопоэтическими смыслами, и, наконец, арсенал художественных форм, которые находят себе применение всегда и везде. Обозначенные нами константы всемирной литературы, т.е. топосы (их называют также общими местами...) составляют фонд преемственности, без которого литературный процесс был бы невозможен» [Хализев 1999: 357].

Опираясь на принцип антитезы, Г. Гессе убежден, что Лев Толстой в своей личности и творчестве соединил в себе две характерные русские черты: «в нем есть гений, наивная интуитивная русская суть - и русская суть осознанная, доктринерская, антиевропейская, причем то и другое представлены у него в высшей степени» (Гессе 2013: 278). Г. Гессе считает,

что европейцы находят в «Войне и мире» и «Анне Карениной» русскую душу и глубину русского бытия. А русское доктринерство, воспроизведенное в публицистических работах Толстого, кажется чрезмерно односторонним и даже фанатичным, но при этом содержит суеверную страсть к поиску истины. Каждому европейцу, убежден Г. Гессе, «довелось испытать чистый, глубокий трепет перед творениями Толстого, благоговение перед его гением, но каждый из нас с изумлением и смятением, а то и с неприязнью держал в руках также и догматические программные сочинения Толстого» (Гессе 2013: 278).

Еще Бахтин, подчеркивая важность выявления генезиса литературного явления на уровне парадигмы «традиция - современность», подчеркивает, что «произведение уходит своими корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания» [Бахтин 1979: 87]. Однако Бахтин логично фокусирует методологическую точку для исследования процессов генетического развития традиции парадигмой «современность», обозначая выявление эволюционно значимого состояния литературного явления как цель литературы как развивающейся системы: «Современность сохраняет все свое огромное и во многих отношениях решающее значение. Научный анализ может исходить только из нее и ... все время должно сверяться с нею, но зажать его (произведение) в этой эпохе нельзя: полнота его раскрывается только в большом времени» [Бахтин 1979: 97].

Развивая мысль Бахтина, Н.В. Белая отмечает, что «традиции (как общекультурные, так и собственно литературные) неизменно воздействуют на творчество писателей, составляя существенный и едва ли не доминирующий аспект его генезиса. При этом отдельные грани фонда преемственности преломляются в самих произведениях, прямо или косвенно. Это, во-первых, словесно-художественные средства, находившие применение и раньше, а также фрагменты предшествующих текстов; во-вторых,

мировоззрения, концепции, идеи, уже бытующие как во вне художественной реальности, так и в литературе; в-третьих, это жизненные аналоги словесно-художественных форм» [Белая 2007: 44].

Согласно Г. Гессе, постижение тайны бытия, духовный поиск в творчестве Л. Толстого предполагает не только неоднозначность прочтения его произведений, но широкоаспектность в выборе концептуального принципа построения новых систем осмысления философских взглядов писателя и его историко-литературного пути. Определение и систематизация уровней влияния творчества Л. Толстого на формирование мирового литературного процесса позволят сформировать в современном литературоведении методологию системного исследования по принципу «писатель - литературный процесс», а также теоретизировать ряд историко-литературных категорий по проблеме определения логики развития мирового литературного процесса.

Интересным здесь представляется рассмотрение Г. Гессе биографической книги другого европейского классика - Романа Роллана, в судьбе которого Л. Толстой сыграл значительную роль,

Важен такой факт из молодости Р. Роллана, когда он, мучаясь глубокими сомнениями совести, колеблясь между искусством и этикой, написал письмо Толстому. Всемирно известный русский писатель отвечает незнакомому адресату. Письмо содержит «ответ, полный любви и тепла, подробный, встревоженный, утешительный ответ, послание на многих страницах» (Гессе 2013: 283). В письме, адресованном молодому Роллану, утверждает Г. Гессе Л. Толстой предстает не только как великий художник и волнующий души проповедник, но и как добрый, отзывчивый, полный братской любви человек. Именно поэтому самому Г. Гессе так близко отношение Р. Роллана к русскому гению как к человеку, который вел непрерывную, тяжелую борьбу с изъятиями жизни, в которой было, конечно, много мук и разочарований, много отчаяния и самоуничтожения, но которой была абсолютно чужда ложь.

Анализ литературно-критической работы Г. Гессе о книге Р. Роллана открывает нам и отношение самого немецкого писателя к творчеству Л. Толстого.

Исходя из того, что сочинения Толстого – «Казачьи», «Война и мир», «Анна Каренина» и др. – безусловные литературные шедевры, мы понимаем, как европейские ценители искусства понимают русского, простодушно разгромившего искусство, как они проникают» в мировоззрение восточного мистика, отдавая ему должное, не цепляясь въедливо к его учению, но следуя за Толстым даже тогда, когда темперамент русского иконоборца бушует с неукротимой мощью» (Гессе 2013: 185).

Г. Гессе далек от расхожего взгляда, согласно которому религиозно-этическую публицистику и позднее художественное творчество русского писателя надо признать ошибкой. В «Воскресенье» необходимо видеть «глубокое понимание сложной психологии Толстого, а также хотя бы намек на двойственность русского писателя, вынудившую его надеть своими глубочайшими, выстраданными идеями и проблемами героя, которому в то же время явно недостает автобиографических черт» (Гессе 2013: 284). Именно в этом неоднозначно оцениваемом романе Л. Толстой порой создает свой многоликий автопортрет: он словно бы боязливо показывается и сразу прячется, никогда не отождествляясь с каким-то персонажем полностью, но все же стремясь вложить в уста героев свои собственные признания: это желание исповедаться и в то же время бегство от исповеди – не просто литературная игра Толстого, а ключ ко всей его психологии, коль скоро она кому-то представляется аномальной и эксцентричной» (Гессе 2013: 285).

По мнению Г. Гессе, ложность философских и духовных поисков Л. Толстого отражает его глубокую раздвоенность, глубокое страдание. Важнейшая этическая проблема Толстого – не проблема ума и художественного гения, а болезненная проблема его личности: то, что истинную любовь к себе самому, как считал немецкий писатель и критик, он находил с великим трудом и редко, тогда как исполнение заповеди любви к

ближнему, даже если эта любовь требовала жертв и страданий, давалось ему легко и была ему необходима.

§ 2. Осмысление художественного мира Ф.М. Достоевского в эссеистике Г. Гессе

Наиболее знаковым для мирового литературного процесса XX в. становятся такие кодовые открытия творчества Достоевского, как принцип карнавализации, пространственно-временная модель текста, обозначенная М. Бахтиным как «хронотоп», «пороговость» бытия и сознания личности, субъектная организация романного пространства, обозначившая новый тип романного мышления «равноценными художественными голосами-сознаниями» [Бахтин 1979: 77], психологическое и религиозно-философское обоснование «катарсичности» как эволюционной составляющей в развитии личности, определение «бесовщины» как формы онтологического бытования. Данные аспекты определяют актуальность творчества Достоевского для мирового литературного процесса XX в., что нашло свое отражение в литературно-критических работах Г.Гессе.

2.1. Мировоззренческие проблемы романов Ф.М. Достоевского в интерпретации Г.Гессе

С ранних лет Гессе выступает в печати как рецензент и критик новых произведений, как пропагандист высокой литературы. В поле его зрения, конечно, и русская литература. Гессе знал и Гоголя, Тургенева, Толстого, Гончарова, Пушкина, Горького. Их имена постоянно встречаются в его статьях о литературе. Их произведения Гессе рекомендует как самое великое, созданное всемирной литературой (например, в статье 1908 г. «Переводы»).

Знакомство с Достоевским тоже было ранним. Еще в 1909 г. немецкий журнал «Мерц» опубликовал заметку Г. Гессе «Великие русские», в которой отмечает с удовлетворением и радостью, что русская литература благодаря усилиям переводчиков и издателей начинает занимать подобающее ей место

в сознании европейца: «...уже два года мы видим, как великие русские (имеются в виду и перечислены в статье Тургенев, Гоголь, Толстой, Достоевский, Гончаров, Горький) один за другим завоевывают славу, которой раньше пользовались лишь Дюма и другие заграничные знаменитости» (Гессе 2013: 84). Гессе упоминает все эти имена как давно ему известные, привычные и приобретшие важное место в духовном мире.

Интерес к творчеству Ф.М. Достоевскому со стороны Г. Гессе опосредован в первую очередь событиями Первой мировой войны и тем новым опытом, который получает немецкий писатель как человек и мыслитель. Прежде всего следует отметить, что Г. Гессе остается верен присущей его творчеству проблематике исследования тайн души, внутреннего мира своего героя, именно такое содержание он находит в романистике русского классика [Трунин 2008: 27].

Роману «Подросток» в связи с новым его переводом посвящается критическая статья Г. Гессе «Роман Достоевского», напечатанная в 1914-1915 г. в воскресном приложении к журналу «Бунд». Из этой статьи мы узнаем, что Гессе впервые прочел «Подростка» десять лет назад, т. е. в 1904 г. Гессе придает изданию творений Достоевского именно в эти годы первостепенное значение: «К счастью, война, кажется, только замедлила, но не прервала и не сумела помешать одному из важнейших начинаний в сближении немецкого и русского духа – изданию большого собрания сочинений Достоевского в издательстве Пипер в Мюнхене. Наряду с иенским изданием Толстого это издание Достоевского – самая значительная попытка познакомить Германию с великими русскими умами» (Гессе 2013: 39).

Интерес к Достоевскому у Гессе входил в процесс формирования собственного мировоззрения. Чувство глубокой ответственности перед жизнью и людьми не только двигало пером писателя, создавшего знаменитый роман «Игра в бисер» (1943 г.), но и руководило Гессе в его жизненной практике. Уже в молодые годы он взял на себя нелегкое бремя

просветительской деятельности и никогда не отказывался от этой ноши. Важнейшая роль была им отведена пропаганде книги, пропаганде литературы. В 1930 т. в статье «Магия книги» он писал: «Из многих миров, которые не были подарены человеку природой, а были созданы им самим из собственного духа, мир книг – самый большой». Великий смысл заключает в себе этот мир: «Без слова, без письма, без книг нет истории, нет понятия “человечество”» (Гессе 2013: 75).

Гессе считает Достоевского мастером построения интриги, «аппарата действия»: «это смелое, резкое... оперирование тайнами, предательствами, предположениями, тайными бумагами, револьвером, тюрьмой, убийством, ядом, самоубийством, безумием, подслушанными клятвами, меблированными комнатами...» (Гессе 2013: 98). Однако у Достоевского это не самоцель, утверждает Гессе, и не этим он останется в памяти потомков, которые забудут и перестанут понимать детали, но сохранят главное, действенное, потрясающее у Достоевского – он изобразил целую эпоху существования мира. Имя Достоевского поставлено в статье рядом с именем Данте.

Г. Гессе в своей статье передает атмосферу романов Достоевского, в которых действуют не фигуры, ведомые рукой кукловода, а люди. Жизнь этих людей отмечена не только их собственными, особыми чертами, заботами и страданиями, но особенностями и типическими чертами, страданиями целого поколения и даже целого народа, «который мятется между сном и пробуждением в жестоких кошмарах» (Гессе 2013: 101). Мир, показанный Достоевским, – «это дикий, беспощадный, жуткий, безобразный мир, настоящий ад... Здесь и преступление и душевная болезнь, мания величия и подлость, пороки большого города и вырождающийся аристократизм, и все это в атмосфере удушающей безысходности, в кошмаре черной безнадежности» (Гессе 2013: 102).

Литературная критика Европы рубежа XIX-XX веков акцентирует внимание на понятии «смыслоутрата». Отраженные в творчестве Ф.М. Достоевского страшные чувства человека становятся свидетельством разрушительного начала человеческой личности. Пустоту жизни герои не могут заполнить ничем: ни развратом, ни попытками найти себе подобных, ни искушением. Смерть таких героев, как Свидригайлов, Ставрогин, Смердяков, означает полный конец их метафизического бытия. И в этом принципиальное отличие Достоевского-реалиста, выводящего своих героев из «порогового» пространства в «мир с Богом» от экзистенциальной разъятости «мира без Бога» [Евлампиев 2011]. Для Достоевского отчаяние значимо обретением веры через катарсическое осмысление себя и бытия, для западноевропейских экзистенциалистов отчаяние есть выход за «пределы» бытия и значимо обретением свободы.

Книга эссе Г. Гессе «Взгляд в хаос» посвящена размышлениям о романах Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Идиот». В этих текстах, скорее напоминающих беглую, эмоциональную реакцию на прочитанное, чем продуманное исследование, Гессе избирает основной темой особенности ментальности и духовности русского народа, которые, как он считает, отразил в своих романах Достоевский. Предваряет эту тематику рецензия, посвященная «Подростку» (1915), где Гессе пишет: «Достоевский не просто гениальный писатель, превосходно владеющий русским языком и глубоко проникший в русскую душу; он, кроме того, еще и одинокий искатель приключений, человек удивительной, необыкновенной судьбы, каторжник, помилованный в последний миг перед расстрелом, одинокий, бедный страдалец» (Гессе 2013: 45). Немецкий писатель подчеркивает мысль о связи между проблематикой творчества Достоевского и его жизненным опытом, судьбой.

Мысль об особой роли России в будущем Европы и мира также связывается со способностью русского народа к стоическому духовному бытию: «Это русская способность, это умение улыбаться в горе, это глубокое

добродушие, этот дар самоотверженности иногда пророчески, умиротворенно начинают просвечивать и в других. И однажды мы слышим слова старого Версилова, типичного представителя глубоко больного русского дворянства: «Да, мальчик, повторяю тебе, что я не могу не уважать моего дворянства. У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высокий культурный тип, какого нет в целом мире: тип всемирного боления за всех. Это - тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России»» (Гессе 2013: 48).

Для Европы – это тот тип духовности, который может стать спасительным, ему нужно научиться и воспринять его как образец строительства общественных отношений, считает Гессе. Писатель, тяготеющий к идее синтеза культур Запада и Востока, видит в русской ментальности прежде всего восточное начало, которое определяет ее своеобразие и неповторимость, а также великое достоинство: «Всему “европейскому” Россия научилась у Запада и научится у него еще многому. Что же касается пассивных, азиатских добродетелей, которые Запад до сих пор еще недостаточно ценит, здесь русские вновь станут нашими учителями, и это коснется даже вопросов практической политики. Ибо однажды к нам вновь должен приблизиться некий другой полюс, мы должны снова принять, между прочим, в расчет и ту душевную культуру, которая пренебрегает действием, предпочитая терпение. В этом искусстве, в котором европейцы до сих пор остаются детьми, русские еще долго будут посредниками между нами и нашей праматерью Азией» (Гессе 2013: 50).

Герои Достоевского, князь Мышкин и Карамазовы, становятся носителями совершенно иного, противоположного мирозерцания - они являются носителями хаоса, разрушителями привычного миропорядка, установок буржуазной «середины». Маргинальность такого типа героев не есть их недостаток, скорее, сущностная черта, позволяющая прочесть смысл

их особенной роли: выразителей авторского сознания, воплощений проблемного плана прозы Достоевского.

Итак, в своей эссеистике, посвященной творчеству Ф.М. Достоевского, Г. Гессе утверждает, что культурная традиция, непреходящие ценности искусства и литературы остаются в современную эпоху единственной цитаделью человеческого духа, способной уберечь общество от катастрофы полного разложения и направить его на стезю добра и справедливости. Проникновение в каждую душу идей красоты и гуманизма кажется Г. Гессе необходимым условием всяких будущих изменений в общественном существовании.

2.2. Русская ментальность романов Ф.М. Достоевского в понимании Г.Гессе

Эссеистика Г. Гессе о Достоевском и его философии интересна в основном тем, что в ней немецкий классик предлагает свою «концепцию России». Как мы уже отмечали, русская цивилизация, в понимании немецкого критика, несет в себе азиатское начало, «пассивное, христианское, терпящее, беззаветное», а европейская культура заимствована Россией у западноевропейских государств. Однако Гессе уверен, что в системе ценностей у России есть чему поучиться. В первую очередь, это неспешность и смирение. При этом к некоторым западным прагматическим «добродетелям», как например порядок, организация, определенный вид духовного милитаризма, Россия, по Гессе, должна приобщиться, чтобы выжить. Но постепенно будет приобретать значение и другой полюс, «та культура души, которая презирает действие, заменяя его терпением. В этом искусстве, в котором европейцы всегда были детьми, русские еще надолго останутся посредниками между нами и прапраматерью Азией» (Гессе 2013: 58).

Г. Гессе считал, что к героям Достоевского не применима европейская морально этическая точка зрения, потому что в его героях слиты воедино добро и зло, Бог и сатана, внешнее и внутреннее. В отличие от Вересаева, увидевшего в героях Достоевского бесконечные сплетения всех человеческих страстей, Гессе определил героев Достоевского как символ русского человека. Познать человека, описанного Достоевским, – говорит Гессе, – нельзя, «ибо мы познаем что-либо только в противоречиях». Существо русского человека, по Достоевскому, это «человек, который рвется прочь от противоположностей, от определенных свойств, от морали... этот человек ничего не любит и любит все, он ничего не боится и боится всего, он ничего не делает и делает все...» (Гессе 2013: 60). При всем этом, Гессе заметил, что думать, будто Достоевский сознательно разделял эти мысли, неверно, ибо то, что им написано это чудо и не один великий ясновидец или поэт никогда не мог до конца истолковать собственные видения.

Герои Достоевского, – пишет Гессе, – это символ, а символ может иметь сотню толкований, каждое из которых может быть верным, а его мысль – лишь одна из ста. «Русский человек – это Карамазов, это Федор Павлович, это Дмитрий, это Иван, это Алеша», – так увидел тип русского человека в романе Достоевского Гессе, – ибо эти четверо, как они не отличаются друг от друга, накрепко спаяны между собой, вместе образуют они русского человека...» (Гессе 2013: 61). Удивительную вещь заметил Г. Гессе в романе «Братья Карамазовы». Писатель изобразил образ русского человека в четырех героях – братьях, их отце и еще в их скрытом брате Смердякове.

Мысль Г. Гессе ассоциирует с идеей о том, что каждый из братьев Карамазовых являет собой ту черту личности, которая преобладает в нем. «... Один из них пьяница, другой сладострастник, один – бегущий от мира фантаст, другой – тайный создатель богохульных творений» (Гессе 2013: 62). Гений Достоевского очертил русского человека Карамазова, – заметил Гессе, – как столкновение противоположных сил. Все в этом человеке помещается

вместе – «Русский человек Карамазов – это одновременно и убийца, и судья, буйн и нежнейшая душа, законченный эгоист и герой совершеннейшего самопожертвования» (Гессе 2013: 62). Но если перенестись от художественно-этического обобщения Гессе о типе русского человека, который носит имя Карамазов и которого Достоевский гениально запечатлел в пяти разных образах, то напрашивается мысль, что Гессе увидел в произведениях Достоевского типичные доминирующие (оси) черты характера русского человека. На языке психологии, это те диспозиции характера человека, которые описал Достоевский в романе «Братья Карамазовы».

Известно, что на переломе веков особой популярностью у немецкой критики также и модернистского толка начинает пользоваться роман «Идиот». Этому много причин. В частности, в князе Мышкине ищут утраченный гуманистический идеал, сопоставляют героя с Иисусом Христом. Мышкин представляется прообразом будущего человека.

Первая статья цикла «Взгляд в хаос» посвящена роману «Идиот». «Удивительно, – пишет здесь Гессе, – что мы совсем по-другому смотрим в лицо всем этим преступникам, истерикам и идиотам Достоевского, чем каким-нибудь преступникам и шутам других любимых романов, что они нам до неприятного близки, что мы их так странно любим, что мы находим в себе что-то родственное и подобное этим людям» (Гессе 2013: 64).

Мышкина отделяет от других, по мысли Гессе, его «магическое мышление». Не ассоциативное, детское сознание, не любовь, не гуманизм, не презрение к миру материального делают его, как считает Гессе, вещью фигурой эпохи, а владение некоей тайной бытия. «Идиот временами близок к той границе, на которой суждение, противоположное каждой мысли, ощущается как истина» (Гессе 2013: 133). Но установление точки зрения на мир, рассуждает далее писатель, является первым условием всякой

организации, всякой культуры, всякого общества и морали: «Кто воспринимает, хотя бы на момент, дух и природу, добро и зло как взаимозаменяемые, тот – самый страшный враг всякого порядка. Потому что здесь начинается противоположность порядка, здесь начинается хаос» (Гессе 2013: 135).

Хаос в понимании Гессе есть нечто, противостоящее традициям западного мира – государственным, конституционным, этическим. Хаос – отрицание устойчивых и апробированных основ жизни европейца.

Понятие «хаос» не носит в рассуждениях Гессе оценочного характера, это не есть зло, противостоящее добру в виде порядка, это другой тип человеческого сознания, который возникает перед европейцем в виде хаоса, в виде «заката Европы». «Совсем иной вопрос, как оценивать закат Европы. Здесь разделяются пути и идеи. Решительные приверженцы старого, верные почитатели освященной благородной формы и культуры, рыцари испытанной морали, все они могут лишь попытаться приостановить этот закат или его безутешно оплакать, когда он наступит. Для них закат – конец, для других – начало. Для первых Достоевский – преступник, для вторых – святой» (Гессе 2013: 77).

Россия в суждениях Г. Гессе и многих других западноевропейских критиков XX века – это во многом восточная культура, своего рода представительство Азии в Европе. Поэтому хаос, или магическое мышление героев Достоевского в толковании Гессе, – вторжение азиатского сознания, прорыв подсознательного в организованное и упорядоченное европейское мышление. Превратно понятые революционные события в России давали повод к этим рассуждениям о прорыве, стало быть, об определенной угрозе и агрессивности азиатского начала.

Можно заметить, как изменился тон рассуждений Гессе по сравнению со статьей, написанной до Октябрьской революции 1917 г. Там «русские

добродетели» выглядели иначе – пассивность, смирение, терпение, страдание, здесь – хаос, угрожающий проглотить Европу.

В согласии с модернистской рецепцией Достоевского, возникшей в начале XX века в европейской культурной среде, Г. Гессе тоже видит в идеях русского писателя угрозу западной цивилизации, однако, в отличие от своих европейских современников, не усматривает в этом трагедии для Европы, а пытается принять это как историческую необходимость, как данность, которую Европа должна принять. Она отзывается на эти идеи охотнее, чем принято считать, и «русский человек», Карамазовы и Мышкины, давно уже расселились по Европе, в частности по Германии: «...мы видим в Мышкине и во всех этих фигурах не образец для подражания в смысле “Таким ты должен стать!”, а необходимость в смысле “Через это мы должны пройти, это ваша судьба!”» (Гессе 2013: 79).

Как известно, стремление европейской интеллигенции объяснить революционные события в России психологическими и национальными особенностями русских породило в ее сознании понятие и проблему «славянской души». Загадочность и немотивированность поступков, иррациональность и аморализм казались характеристикой «славянской души». Гессе тоже не миновала эта идея. В его статье «Братья Карамазовы или Закат Европы» (подразумевается не роман, а человеческий тип, названный Карамазовыми) речь идет о «русском человеке».

Какими разными ни выглядели бы Карамазовы от Федора Павловича до Алеши, они вместе, считает Г. Гессе, и составляют «русского человека», «...”русский человек” – это не “истерик”, не пьяница или преступник, также не поэт, не святой, а только всё вместе, одновременность всех этих свойств... В этом человеке внешнее и внутреннее, доброе ж злое, бог и сатана сосуществуют» (Гессе 2013: 82). Всех Карамазовых объединяет, по Г. Гессе, своего рода нравственная индифферентность, всеядность, этический

конформизм. То, что для старца Зосимы (он тоже входит в понятие «Карамазовы» или «русский человек») лишь склонность, у Ивана Карамазова доведено до полного осмысления и философского обобщения: «у старца Зосимы преобладает еще идеал справедливости, он различает еще между добром и злом, только предпочтение отдает с большей охотой злу» (Гессе 2013: 82).

С кризисом культуры, обнаружением ее безволия Г. Гессе связывает высвобождение огромного энергийинстинктов, которые прежде были обузданы культурой, нравственностью. Г. Гессе полагает, что на историческом перепутье (например, рубеж XIX – XX веков) и возникает тип Карамазовых как промежуточное явление жизни. Гибель старой Европы предвещает и Иван, вступающий в споры с чертом – символом подсознания, и Смердяков – нелегальный Карамазов, убежденный убийца, который, однако, уверен в вездесущности бога, и Хохлаковы, особенно дочь, истерия которой обнаруживает таинственную связь с грядущей моралью.

Герман Гессе, и в этом его позиция близка экспрессионистской, не воспринимает Достоевского как явление только художественное, только литературное, а видит в его творчестве такую сопричастность самой жизни, которая выбивается из любой формы, организующей и гармонизирующей произведение искусства, и делает его событием действительности, событием реального существования человечества: «... его творчество восхищает нас не выражением гениальной проницательности и мастерства, не художественным воплощением мира, в основном известного нам и привычного, нет, мы воспринимаем это творчество как пророческое, как предвосхищение распада и хаоса, который, как видно, поглощает Европу не только изнутри, но с некоторого времени и снаружи» (Гессе 2013: 159).

Это не означает, что Гессе отказывает романам Достоевского в художественной ценности, он только перемещает акцент с художественной

их стороны на содержательную, на познавательную еще и потому, что придуманное, изобретенное, сконструированное в романах, по мнению немецкого писателя, тоже многозначительно говорит о «закате Европы».

Итак, Г. Гессе считает, что творчество Ф.М. Достоевского обретает бездонную глубину и величие благодаря двум основным силам, в нем скрытым, и в борьбе этих сил. Первая подразумевает неверие в человеческую природу и ее добрые начала, зависимость человека от зла, от низменного и подлого, отчаяние поверженного человека. Этот «первый голос утверждает смерть, отрицает надежду, отказывается от всех интеллектуальных и поэтических украшений и смягчений, которыми мы с помощью приятных поэтов привыкли обманывать себя относительно опасности и жестокости человеческого существования» (Гессе 2013: 91). Во-вторых, звучит совесть человека, которая кажется Гессе единственной дорогой, которая через ад и смерть ведет к истинному смыслу.

Таким образом, Г. Гессе обращался к творчеству Ф. М. Достоевского неоднократно в разные периоды своей жизни. Одна из главных задач литературной критики, по мнению немецкого классика, – это интерпретация и оценка выдающегося литературного явления. В идеале литературный критик должен стремиться к тому, чтобы как можно полнее выявить замысел автора. Г. Гессе переосмысливает и переоценивает произведения недавней эпохи, выявляя в них новый смысл, открывая своим современникам Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Упоминания о Достоевском встречаются часто и в последующие годы у Г. Гессе в статьях о литературе, в письмах. Для молодого Гессе Достоевский, его мир, его идеи знаменовали целую эпоху существования человеческого общества, эпоху, которая формировала мировоззрение и самого Гессе. Разное отношение к русскому писателю в разные годы говорит о том, что Достоевский для Гессе все время оставался актуальным, а также о том, что

восприятие Достоевского зависело от того развития и той эволюции, которую претерпевали его собственные взгляды. Бесспорно, однако, что над загадкой Достоевского Гессе задумывался под влиянием революционных событий в России разных лет. Бесспорно и то, что мир европейской культуры получал на фоне этих событий совершенно неожиданную и новую окраску.

§ 3. Методика изучения литературно-критических статей на уроках литературы в старших классах

3.1. Основы изучения литературной критики в старших классах

В современной старшей школе учащихся необходимо знакомить с личностью и творческим методом наиболее выдающихся литературных критиков, так как личностная направленность, мировоззрение, связь с интересами социальных общностей накладывают заметный отпечаток на характер восприятия и интерпретации им художественного произведения, оценку творчества писателя в целом. Личность критика, его биографические данные раскрываются перед учащимися на занятиях по обзорной теме, в ходе уроков текстуального разбора статьи, в частности, в виде кратких замечаний во вступительном слове к такому уроку.

Главная задача учителя-словесника, донести до старшеклассников мысль о том, что литературная критика – составная часть литературной жизни эпохи. В понятие «литературная жизнь» входят такие составляющие, как сами художественные произведения, деятельность писателей, восприятие произведений читателями, критиками, литературоведами, воздействие литературы на жизнь общества и т.д. В широком смысле слова критика – это суждение по анализу и оценке различных явлений жизни и культуры, в том числе и таких, которые могут быть никак не связаны с искусством, например, научные и философские идеи и т.д.

В течение долгого времени критика не выделялась в нечто особое, она существовала латентно, т.е. в скрытом виде. Критика появляется из спонтанного желания поделиться пережитым впечатлением, обсудить его, осмыслить, истоком критики нужно считать рефлексию по поводу любого текста, восходящую к глубокой древности. Когда не было литературы (в современном понимании), уже в фольклоре слушатели отдавали предпочтение одному певцу перед другим, просили исполнить эту песню, а не другую, т.е. они стихийно выступали в роли критиков, ценителей. Логично предположить, что безымянные авторы песен общались друг с другом, более квалифицированно оценивали свой труд и как-то его осмысливали, стремились передать накопленные навыки новым поколениям.

Учитель русского языка и литературы стремится научить школьников воспринимать каждую критическую статью не только как глубокий анализ художественного произведения, но и как определенный документ эпохи. Работая над текстом статьи, надо показать учащимся тесную связь данной статьи с актуальными вопросами жизни России определенного периода, обратить внимание на исторический подход критики к анализу художественного произведения, дать четкое представление учащимся, во имя чего взялся критик за создание статьи, чем вызвано ее появление. Нужно не только разъяснить учащимся точку зрения критика, но и объяснить ее, исходя из его общественно-политических и эстетических взглядов.

В каждой литературно-критической статье анализируются не только проблемы, события, в художественной форме отраженные в произведении, но и явления самой действительности тех лет, споры, дискуссии, шедшие в интеллектуальных кругах и имеющие большое влияние на развитие русской литературы. Знакомство с этими явлениями, проблемами реальной жизни и дискуссионными позициями расширяют представления школьников об эпохе, воссоздают в их сознании картины духовной жизни тогдашнего общества.

Старшеклассник в ходе разбора литературно-критических статей должен понять, что критика отличается и от науки, и от литературы, и от публицистики. Хотя критика включена в литературный процесс, развивается на основании фактов, представленных литературой, пользуется элементами художественности, но она опирается на логическое мышление, на теоретическую систему доказательств, а образно-художественное начало в ней, как правило, имеет вторичный характер, практическая функция преобладает над эстетической.

Именно критикой создаются метатекст по отношению к литературе. Непосредственно с критикой связаны три феномена культуры: наука (литературоведение), литература и публицистика. Критика в известные периоды проявляет тенденцию сближения с этими областями. Например, критика романтиков так же полноправно представляет направление романтизма, как и романтические художественные произведения.

По-иному, в другой исторической ситуации реализовала эту же тенденцию сближения литературной критики и литературы символистская и импрессионистская критики конца XIX – нач. XX в. (сюда кроме россиян – В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Filosoфoв – можно включить и работы Г.Гессе). Например, анализ определенных положений литературно-критических эссе Г.Гессе может показать, что несмотря на различную степень тяготения критики к этим трем сферам, критика, как уже отмечалось, диалогически связана со своим предметом – литературой, может обладать значительной эстетической, или литературной, составляющей. В конкретной критической работе сочетаются образно-художественные и понятийные начала, используются сюжетно-композиционные приемы самой литературы. Поэтому важен индивидуальный облик критика, проявляющийся в жанровых особенностях, способах полемики, формах обращения с читателем, использовании цитирования и т.д.

В комплексной работе над литературно-критической статьей можно выделить следующие этапы: предварительное знакомство с автором-

критиком, история создания статьи, характеристика художественно-эстетической позиции автора, чтение и комментирование статьи, анализ отдельных положений, конспектирование.

Выбор приемов и форм изучения литературной критики обусловлен рядом факторов:

1) тематикой и содержанием критических статей (искусствоведческие, литературоведческие, биографические, сопоставительные, обзор периода в истории литературы, эстетические манифесты поэтических школ и т.д.);

2) специфическим характером программного материала, требующего от учащихся ценностно-ориентационной деятельности и овладения определенными интеллектуально-творческими умениями;

3) «факультативным» характером изучения критики в школе и необходимостью интенсивного усвоения материала за короткое время;

4) возрастными особенностями учащихся.

В старших классах изучение литературно-критических статей осуществляется по этапам, в соответствии с которыми происходит процесс формирования умений самостоятельно работать с критическими материалами (отбирать главное, конспектировать, сопоставлять разные точки зрения). При этом происходит постепенное усложнение приемов работы над статьями, начиная от чтения и анализа ее фрагментов под руководством учителя и кончая проведением деловых игр, показывающих и закрепляющих уже сформированные первоначальные умения

Введение интерпретаций произведения в процесс его изучения - проблема методически сложная. Для того, чтобы использование нового учебного материала (объяснение позиции критика) не стало еще одной причиной перегрузки учащихся, необходим точный выбор материала. Подобранные для осмысления высказывания должны быть самодостаточными, то есть не требовать, за редким исключением, комментария. Углубление вводимых интерпретаций должно быть постепенным. Пока учащиеся находятся на уровне непосредственно-

эмоционального впечатления, в самоопределении им может помочь знакомство с такими же непосредственно- эмоциональными оценками (читателей-современников публикации произведения, а также знакомящие с собственной реакцией авторов-критиков на встречу с произведением, автором, сценической постановкой). Работая над критической статьей, особенно рассматривая ее в полном варианте, а не только обращая внимание на отдельные высказывания автора, следует останавливаться на причинах, побудивших взяться за ее создание.

Чтение и анализ критических статей развивает художественный вкус школьников, расширяет их кругозор. Эссеистика должна стать инструментом познания, формирующим навыки научного анализа текста, воспитывающим критическое мышление.

Методика изучения литературно-критических статей, например эссеистики Г. Гессе, может осуществляться в старших классах в рамках подготовки с олимпиадам и конкурсам. Необходимо выделить ряд этапов, в соответствии с которыми происходит процесс формирования умений самостоятельно работать с критическими материалами (отбирать главное, формулировать тезисы, конспектировать, сопоставлять разные точки зрения). При этом происходит постепенное усложнение приемов работы над статьями, начиная от чтения и анализа ее фрагментов под руководством учителя и кончая проведением деловых игр, показывающих и закрепляющих уже сформированные первоначальные умения.

3.2. Методические указания к анализу литературно-критической работы

Изучение истории литературной критики начинается с прочтения и тщательного анализа критических статей. Обязательным является знание источников (перечень представлен в программе). Однако, как показывает практика, часто у старшеклассника возникает иллюзия знания при работе над той или иной статьей, что связано с обращением к ней в школьном или

вузовском историко-литературном курсе. Преодолеть это недопонимание специфики критики и привить навыки анализа литературно-критических статей помогает выполнение устной и письменной работы в рамках специальных факультативных занятий.

Старшекласснику требуется знание и умение анализировать статьи, которые не могут и не должны восприниматься как обычное дополнение к собственно художественному тексту, как исключительно вспомогательный материал.

Как и текст художественного произведения, литературно-критическая статья имеет свои законы построения, характерные для каждого жанра. Критика не должна рассматриваться и как источник абсолютных и неизменных догматических суждений. Важно не просто найти в критической статье ту или иную яркую оценку произведения, писателя, героя, но и понять, оценить цель, идею критика, его самобытность, манеру письма. Для этого нужно приложить немало усилий: эмоционально и интеллектуально пережить высказанное критиком, вдуматься в логику его мысли, определить меру его доказательности.

Необходимо выявить общественно-эстетические позиции критиков и те критерии, с которыми они подходили к анализируемым произведениям. Знание статей не школьники понимают во время анализа такие элементы статьи, как композиция, жанровое своеобразие, использование художественного текста в аргументации критика, стилистические особенности, выразительные средства и т.д. Необходимо, воспринимая каждую критическую статью как определенный документ эпохи, видеть тесную связь данной статьи с социокультурными обстоятельствами жизни России и мира.

Освоение статей должно сопровождаться конспектированием, так как прочтение каждой статьи – довольно сложный процесс, где не может быть окончательных регламентаций. И все-таки в методической литературе выделяют два типа оформления конспекта. Во-первых, можно дать в

нескольких словах характеристику всей статьи в целом, т.е. перечислить те вопросы и проблемы, которые разбирает автор, а затем делать выписки или тезисы в соответствии с этими вопросами, а не в той последовательности, в какой они представлены в самой работе. Другой способ, более традиционный, – тезисное изложение работы, сопровождаемое записями на полях, в которых могут содержаться указание на проблему, поднимаемую автором, образ или особенности изобразительно-выразительных средств, где должно быть отмечено, что он вступает в полемику с другими критиками или с самим автором. Если критическая работа велика по объему, ее тезисное изложение мало что дает для понимания позиции критика. Тогда предпочтительнее первый способ (например, к статье Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве»). Если же критическая работа компактна, посвящена конкретному вопросу или разбору конкретного образа или проблемы, то наилучшим представляется второй способ оформления конспекта (например, по статьям «Милльон терзаний» И.А. Гончарова, пушкинского цикла В.Г. Белинского).

При анализе литературно-критической статьи рекомендуется придерживаться определенной методической схемы (хотя следует помнить, что, как и любая схема, она упрощает реальный текст). Старшеклассникам в рамках факультативных занятий и элективных курсов предлагается осмыслить выбранную литературно-критическую статью в следующей методической логике:

1. Восстановить конкретно-исторический контекст (время создания, в каком журнале, альманахе, газете, критическом сборнике опубликована, его направление, какие события общественной и литературной жизни отразились в данной статье, какое место они занимает в наследии критика).

2. Выявить цель и задачи, поставленные критиком в статье, социально-исторические и литературные мотивы обращения критика к теме (обычно указывается во введении, ответы на эти вопросы можно почерпнуть из

комментариев к сборникам литературно-критических работ, обратиться к учебной, справочной, научной литературе).

3. Концепция статьи (аспекты философский, эстетический, публицистический, историко-литературный, полемический и др.). В конкретной статье может преобладать какой-либо аспект. Философский аспект связан с философичностью статьи, с выявлением философского содержания литературы, с постижением онтологических проблем в связи с анализом литературного произведения. Эстетический аспект имеет отношение к постановке и решению эстетических проблем (понимание искусства, трактовка и использование различных эстетических категорий и т.д.). Публицистический – это размышление о связи произведения с какими-либо актуальными проблемами современной жизни. Историко-литературный аспект дает ответ на вопрос, к каким конкретным результатам в изучении литературного произведения, творчества писателя, литературного процесса пришел автор работы. Полемический аспект определяется полемикой критика с другими критиками или авторами. Следует учитывать, что полемика критика может быть явной, открытой и скрытой.

4. Рассмотреть мастерство критика (жанр, композиция, логическая структура, особенности аргументации, стиля, средства проявления читательского внимания). Критик также стоит перед проблемой зачина произведения, заглавия, эпиграфа, финала произведения. По-разному могут соотноситься в статье логическое и эмоциональное начало, художественно-эстетическое начало и публицистичность. Вопрос о жанре будет рассмотрен в лекции, помещенной в этом пособии.

Таким образом, литературно-критическая статья анализируется в единстве содержательно-формальных компонентов, широте контекстных связей. Подобный подход к статье, если анализ оформлен письменно, может рассматриваться как третий – системно-структурный – конспект. Нужно обратить внимание на такой очевидный момент, что оценка аргументации критика, возможность согласия или несогласия с его позицией будут

невозможны без знания тех литературных явлений, о которых говорится в статье. Для понимания философско-эстетических взглядов критика, различных полемических аспектов следует обратиться и к лекциям по курсу, и к соответствующим разделам учебников и пособий, и к специальной научной литературе, что позволит составить более полное представление о деятельности критика, о тех эстетических, нравственных проблемах, что послужили основой создания статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творческое наследие Германа Гессе кроме широко известных мировой читательской аудитории романов, повестей, произведений малых жанровых повествовательных форм и стихотворений включает публицистические работы, рецензии на книги, эпистолярное наследие, а также литературно-критические статьи.

Г. Гессе всегда чрезвычайно остро реагировал на важнейшие мировые события и отзывался на них публицистическими статьями, очерками, эссе. Если в художественных произведениях писателя его мировоззрение и авторская интенция «закодированы» символической, аллегорической и мифологической образностью, то в публицистике перед читателем предстает максимально открытый и бескомпромиссный мыслитель. Именно в публицистике Г. Гессе прямо осуждает агрессивную внешнюю и внутреннюю политику Германии в период двух катастрофических мировых войн XX века. Эссеист Гессе — это не удалившийся от мировых проблем отшельник, а последовательный и непримиримый защитник духовного наследия человечества, представленного прежде всего в литературе.

В литературно-критических работах Г. Гессе использует описания житейских ситуаций, поднимающиеся до уровня обобщений, наблюдения и терминологию, характеризующую сложную природу человека и творчества. Богатый социокультурный опыт писателя, пережившего две мировые войны,

личные неурядицы и творческие кризисы, дополняется постоянным стремлением разобраться в самом себе, в своем творчестве и в великих произведениях русских писателей.

Для Г. Гессе мир русской классики, его идеи знаменовали целую эпоху существования человеческого общества, эпоху, которая формировала мировоззрение и самого Гессе. Толстой и Достоевский для Гессе остаются актуальными,

Своеобразным ключом к трудам Германа Гессе становится принцип антитезы, помогают автору показать противоположные ценностные смыслы явлений. Принцип контраста проявляется в построении эссе, в стиле, формировании оценки описываемых произведений, в противопоставлении идей и их создателей.

Важнейшая этическая проблема Толстого, по Г. Гессе, заключена в его личности: настоящую любовь к себе самому русский классик находил с великим трудом и редко, тогда как исполнение заповеди любви к ближнему, даже если эта любовь требовала жертв и страданий, давалось ему легко и была ему необходима.

Гессе внимательно анализирует ключевые открытия Достоевского, такие «пороговость» бытия и сознания личности, субъектная организация романного пространства, обозначившая новый тип романного мышления религиозно-философский катарсис, являющийся основой личности писателя как, так и его героев.

Литературная критика как таковая не является для Г. Гессе художественным произведением и имеет другие цели и функции: выражение литературных предпочтений и побуждение к чтению избранных произведений, соответствующих представлению о настоящей литературе. Черты оценочности, терминологизации, диалогизма, эмотивности, появляются в литературно-критических статьях Г. Гессе постоянно и

являются отражением наиболее устойчивых черт стиля немецкого писателя и критика.

В современной школе необходимо знакомить старшеклассников с биографией и работами наиболее выдающихся литературных критиков. Важной задачей учителя русского языка и литературы является донесение до старшеклассников понимания того, что литературная критика – необходимая и во многом определяющая часть литературного процесса.

Изучения литературно-критических статей (в том числе на примере рассмотренных в выпускной квалификационной работе эссе Г. Гессе), может осуществляться в старших классах в рамках факультативных занятий и элективных курсов. Чтение и анализ литературной критики разных эпох развивает художественный вкус старшеклассников, становится инструментом познания, формирующим навыки научного анализа художественного текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Теоретические работы:

1. Аверинцев, С.С. Путь Г.Гессе [Текст] / С.С. Аверинцев // Гессе Г. Избранное. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 3-26.
2. Аникст, А.А. Творческий путь Гете [Текст] / А.А. Аникст. – М., Художественная литература, 1986. – 544 с.
3. Апт, С. Послесловие к роману Г. Гессе «Степной волк» [Текст] / С. Апт // Иностранная литература. – 1977. – №5. – С. 78-85.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин.– 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 34.
5. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1979. – 188 с.
6. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1975. – 248 с.
7. Белая, Н.В. Традиция и новаторство как важнейшие составляющие литературного творчества [Текст] / Н.В. Белая // Искусствоведение. 2007. № 2. – 124 с.
8. Березина, А.Г. Достоевский в восприятии Г.Гессе [Текст] / А.Г. Березина // Достоевский и зарубежная литература. – Л., 1978. – С. 220-239.
9. Блохина, Н.А. Персонаж в системе мотивов (на материале произведений Г.Гессе): дисс. канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Блохина. – Новосибирск, 2003. – 228 с.
10. Вейдле, В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества [Текст] / В. Вейдле // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 268-290.
11. Вигерина, Л.И. Своеобразие художественного времени в повести И.С. Тургенева «Степной король Лир»: к проблеме символического

- подтекста [Текст] / Л.И. Вигерина // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2012. С. 30-43.
12. Гаврилина, Н.А. Внутритекстовые механизмы символизации художественного образа (на материале малой прозы Г.Гессе). Автореферат дисс. канд. фил. Наук [Текст] / Н.А. Гаврилина. – Самара, 2011. – 18 с.
13. Гулыга, А.В. Интеллектуальная проза Г.Гессе [Текст] / А.В. Гулыга // Новый мир. – 1978. – №9. – С. 259-262.
14. Гулыга, А.В. Этюд о Г. Гессе [Текст] / А.В. Гулыга // Путями Фауста: этюды германиста. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 159-167.
15. Гутманис, А.Э. Путь Г.Гессе к созданию концепции совершенной личности [Текст] / А.Э. Гутманис // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – 1987. – №6. – С. 27-31.
16. Достоевский в зарубежных литературах [Текст]. – Л., 1978. – 224 с.
17. Евлампиев, И.И. Ф.М. Достоевский и Ницше на пути к новой метафизике человека [Электронный ресурс] / И.И. Евлампиев // Философская антропология. 2011. № 3. – Режим доступа: http://anthropology.rchgi.spb.ru/dostoev/dostoevsk_i5.htm.
18. Житомирский, Д.В. Г. Гессе и некоторые параллели: (О романе западногерманского писателя «Игра в бисер») [Текст] / Д.В. Житомирский // Сов. Музыка. – 1980. – №2. – С.117-131.
19. Заманская, В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века [Текст] / В.В. Заманская // Диалоги на границах столетий. – М., 2002. – С. 120-145.
20. Затонский, Д.В. Парадоксы Г.Гессе [Текст] / Затонский Д.В. // В наше время. Книга о зарубежных литературах XX века. – М.: Сов. Писатель, 1979. – С.230-257.'
21. Камю, А. Избранное [Текст] / А. Камю. – М., 1993. – 262 с.
22. Каралашвили, Р.Г. Проблемы творчества Г. Гессе. [Текст] / Р.Г. Каралашвили. – Тбилиси: ТГУ, 1980. – 231 с.

23. Киричук Е. В. Проза Ф. М. Достоевского в эссеистике Г. Гессе, Т. Манна и А. Камю [Текст] / Е.В. Киричук // Вестник Омского ун-та. – 2012. – № 2. – С. 400–414.
24. Кузнецов, О.Н., Лебедев, В.И. Достоевский над бездной безумия [Текст] / О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев. - М.: Когито-Центр, 2003. – 232 с.
25. Кузнецова, Н.В. Магический реализм Г. Гессе [Текст] / Н.В. Кузнецова // Проблемы истории литературы. Сб. статей. Вып. 18. М. – Новополоцк, 2004. – С. 205-212.
26. Леонова, Е. А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия [Текст] / Е.А. Леонова. – М.: Флинта; Наука, 2010.
27. Львова, И.В. Ф.М. Достоевский и американский роман 1940-1960-х годов [Текст] / И.В. Львова. - Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Великий Новгород, 2010. – 324 с.
28. Малащенко, В.В. Феномен игры в прозе Германа Гессе («Демиан», «Кляйн и Вагнер», «Последнее лето Клингзора»). Дисс. канд. филол. наук [Текст] / В.В. Малащенко. – Калининград, 2008. – 213 с.
29. Малащенко, В. «Русский след» в литературно-критических статьях и публицистике Германа Гессе [Текст] / В.В. Малащенко // Балтийский филологический курьер. –2014. –С. 71–74.
30. Малинина, Е.Е. Мотив пути и духовных странствий в творчестве Г.Гессе [Текст] / Е.Е. Малинина // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. – 1996. – №4. – С. 112-115.
31. Михайлов, А.В. Мир Г.Гессе [Текст] / А.В. Михайлов // Литературное обозрение. – 1986. – №5. – С. 57-60.
32. Некрасова, Т.Е. Специфика художественного метода и проблема гуманизма в творчестве Г. Гессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.Е. Некрасова. – М., 1987.
33. Осипова, Э. Ф. Русская литература и литературная жизнь США [Текст] / Э.Ф. Осипова // История литературы США. Т. 5. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 510 с.

34. Ретюнских, Л.Т. Философия игры [Текст] / Л.Т. Ретюнских. – М.: Вузовская книга, 2002. – 256 с.
35. Рогоза, В.В. «Кто имеет уши слышать, да слышит». А. Камю и Ф.М. Достоевский: отношение к нигилизму [Текст] / В.В. Рогоза // Христианское чтение. - 2011. - № 3 (38). – С. 160-168.
36. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность [Текст] / . – М.: Лабиринт, 2008. – 359 с.
37. Секацкий А. Изыскания: Статьи, эссе [Текст] / А. Секацкий// М., СПб.: Лимбус Пресс. 2009. – 321 с.
38. Топоров, В. Н. Модель мира [Текст] / В.Н. Топоров // Мифы народов мира, Т. 2. - М., Советская энциклопедия, 1988. – 898 с.
39. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранно [Текст] / В.Н. Топоров. – М., 1995. – 624 с.
40. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического [Текст] / В.Н. Топоров. - М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
41. Трунин, С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX-XXI веков [Текст] / С.Е. Трунин. – М., 2008. – 184 с.
42. Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры [Текст] / В.Н. Финогентов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 238 с.
43. Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст] / В.Е.Хализев. – М., 1999. – 256 с.
44. Царева, Р. Запад и Восток в эстетических исканиях Г.Гессе [Текст] / Р. Царева // Тезисы докладов межвуз. обл. научно-практической конференции литературоведов. – Куйбышев, 1986. – С. 77-78.
45. Шеманов, А.Ю. Самоидентификация человека и культура: Монография [Текст] / А.Ю. Шеманов. – М.: Академический Проект, 2007. – 383 с.
46. Шестов, Л. Достоевский и Ницше [Текст] / Л. Шестов. - Сочинения в двух томах. Т. 1. – Томск: «Водолей», 1996. – 578 с.

II. Список использованных словарей:

1. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
2. Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах [Текст] / Главный редактор и составитель С.Я.Левит. - СПб.: Университетская книга, 1998. – 978 с.
3. Энциклопедический словарь: Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М.: Эксмо, 2003. – 1174 с.

III. Список источников:

1. Гессе, Г. Избранное [Текст] / Г.Гессе. – М.: Радуга, 1984. – 592 с.
2. Гессе, Г. Магия книги: Эссе о литературе [Текст] / Г.Гессе. – М.: Лимбус-Пресс, 2013. – 732 с.
3. Гессе, Г. Письма по кругу [Текст] / Г. Гессе. – М.: Прогресс, 1987
4. Гессе, Г. Собрание сочинений. В 4-х т. [Текст] / Г.Гессе / Пер. снем. – СПб.: Северо-запад, 1994.

